

МАРСЕЛЬ ПРУСТ

*Заметки об искусстве
и литературной критике*

ПАЛЬМИРА
RUGRAM

УДК 7.01
ББК 85.1
П85

Перевод с французского, комментарии Т. Чугуновой

Пруст М.

П85 Заметки об искусстве и литературной критике : [сборник] / Марсель Пруст ; [пер. с фр., коммент. Т. Чугуновой]. — СПб. ; М. : «RUGRAM_Пальмира», 2021. — 331 с. : ил. — (Серия «Пальмира — искусство»).

ISBN 978-5-517-03564-6

В эту книгу вошли заметки разных лет о литературной критике под общим названием «Против Сент-Бёва». Именно в этих эссе Марсель Пруст впервые всерьез поставил под вопрос расхожие представления о литературе и искусстве и об их роли в жизни человека, что в конечном итоге привело его к созданию совершенно новой формы романа. Также в этот сборник вошли отдельные эссе о литературе, об изобразительном искусстве, о таких знаменитых предшественниках и современниках писателя, как Гюстав Моро, Клод Моне и другие.

УДК 7.01
ББК 85.1

ISBN 978-5-517-03564-6

© Чугунова Т. В., перевод на русский язык, комментарии, 2021

© Оформление.

АО «Т8 Издательские Технологии», 2021

Марсель Пруст

ПРОТИВ СЕНТ-БЁВА

ПРОТИВ СЕНТ-БЁВА

Наброски предисловия

С каждым днем я все меньше значения придаю интеллекту. С каждым днем я все яснее сознаю, что лишь за пределами интеллекта писателю представляется возможность уловить нечто из давних впечатлений, иначе говоря, постичь что-то в самом себе и обрести единственный предмет искусства. То, что интеллект подсовывает нам под именем прошлого, не является таковым. В действительности каждый истекший час нашей жизни находит себе убежище в каком-нибудь материальном предмете и воплощается в нем, как это случается с душами умерших в иных народных легендах. Он становится пленником предмета, его вечным пленником, если, конечно, мы не наткнемся на этот предмет. С его помощью мы опознаем этот минувший час, вызываем его, и он освобождается. Но укрывающий его предмет или ощущение, поскольку всякий предмет по отношению к нам — ощущение,

может никогда не возникнуть на нашем пути. И какие-то часы нашей жизни никогда не воскреснут. А все потому, что предмет этот настолько мал, настолько затерян в мире, что шанс набрести на него у нас ничтожен! Несколько раз проводил я лето в одном загородном доме. Порой мысленно возвращался к этим летним месяцам, но то были не они. Все шло к тому, чтобы они навеки умерли для меня. Своим воскрешением они, как и любое из воскрешений, обязаны простому случаю. Однажды зимним вечером, продрогнув на морозе, я вернулся домой и устроился у себя в спальне под лампой с книгой в руках, но все не мог согреться; старая моя кухарка предложила мне чаю, хотя обычно я чай не пью. И случись же так, что к чаю она подала гренки. Я обмакнул гренок в чай, положил его на язык, и в тот миг, когда ощутил его вкус — вкус размоченного в чае черствого хлеба, — со мной что-то произошло: я услышал запах герани и апельсиновых деревьев, меня затопил поток чего-то ослепительного, поток счастья; я оставался недвижим, боясь хоть единым жестом нарушить совершающееся во мне таинство, и все цеплялся за вкус хлеба, пропитанного чаем, от которого, казалось, исходило это чудесное воздействие, как

вдруг потрясенные перегородки моей памяти подались, и летние месяцы, проведенные в загородном доме, с их утрами, влекущими за собой череду, нескончаемое бремя упоительных часов, хлынули в мое сознание. И тут я вспомнил: по утрам, одевшись, я спускался в спальню дедушки и заставлял его за чаепитием. Обмакнув сухарик в чай, он протягивал его мне. Когда же эти летние месяцы отошли в прошлое, вкус сухарика, размоченного в чае, стал одним из убежищ, в которых затаились умершие — для интеллекта — часы, и где я их ни за что не отыскал бы, если бы зимним вечером, возвратясь продрогшим с мороза домой, не испробовал предложенное моей кухаркой питье, с которым неведомым мне волшебным договором было связано воскрешение. Но стоило мне попробовать сухарик, как я тотчас обрел сад, дотоле смутно, расплывчато представавший моему внутреннему взору, — весь сад, с его заброшенными аллеями, со всеми его цветами, стал, клумба за клумбой, вырисовываться в чашке чая, подобно японским миниатюрным цветам, что распускаются лишь в воде.

Точно так же мертвы были для меня многие дни, проведенные в Венеции, ибо интеллекту не под силу было вернуть мне их, но в прошлом го-

ду, проходя одним двором, я вдруг как вкопанный остановился на неровных отполированных булыжниках, которыми он был вымощен. Мои друзья забеспокоились, не поскользнулся ли я, но я сделал им знак продолжать путь — я, мол, догоню: мое внимание было приковано к чему-то более важному, я еще не знал, что это, но ощутил, как в глубине моего существа вздрогнуло, оживая, прошлое, которого я не узнавал; я испытал это, когда ступил на камни мостовой. Я чувствовал: меня заполняет счастье, я буду одарен каплей той незамутненной субстанции нас самих, которая есть бывшее впечатление, буду одарен той чистой, сохранившейся в своей чистоте жизнью (познать которую мы можем лишь в законсервированном виде, потому что в тот миг, когда мы проживаем ее, она не предстает перед нашей памятью, а погружена в подавляющие ее ощущения) — жизнью, требующей вызволить эту субстанцию, дать ей возможность обогатить мою сокровищницу поэзии и бытия. Но сил выпустить ее на волю я в себе не чувствовал. Я боялся, что прошлое ускользнет от меня. Нет, в подобную минуту интеллект ничем не мог бы мне помочь! Я сделал несколько шагов назад, чтобы вновь очутиться на неровных отполированных